
МОСКОВСКИЙ ПАСТОР СЛУШАЕТ ШЕЛЛИНГА*

П.В. Резвых

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики
ул. Петровка, 12, Москва, Россия, 107031

В статье впервые публикуется и анализируется слушательская запись лекций Ф.В.Й. Шеллинга по философии мифологии 1837 г., выполненная московским пастором К.А. Зедеггольмом — важный документ истории рецепции философии Ф.В.Й. Шеллинга в России.

Ключевые слова: Философия мифологии, Ф.В.Й. Шеллинг, московское шеллингианство, идеализм, теология, теория мифа.

Публикуемый документ представляет собой слушательскую запись четырех лекций из курса по философии мифологии, прочитанного Шеллингом в летнем семестре 1837 г. в Мюнхенском университете (1).

Казалось бы, к чему делать достоянием публики весьма неполную запись нескольких лекций из довольно обширного курса, тем более что от него остались записи куда более пространные и подробные? Интерес к ней продиктован прежде всего тем обстоятельством, что автором записи является московский пастор Карл Альбрехт Зедеггольм, игравший важную роль в интеллектуальной жизни Москвы 1830—1860-х гг. прежде всего как транслятор идей немецкой философии в среде русской интеллигенции.

Как было показано мною в другой работе [1. С. 165—177], в интеллектуальной биографии самого Зедеггольма присутствие на шеллинговских лекциях и состоявшееся в связи с этим личное знакомство с философом стали переломными событиями: если до поездки в Мюнхен Зедеггольм, несмотря на постигшее его в 1827 г. разочарование от неудачной попытки заручиться поддержкой Шеллинга в своих философско-теологических штудиях, все еще продолжал рассматривать его как единомышленника, оставаясь в позиции ученика, почитателя и последователя, то в ближайшие годы после личного знакомства он решительно заявил о себе как философ и богослов, претендующий на соперничество не только с Шеллингом, но и с другими ведущими представителями немецкой философии. Вместе с тем присутствие Зедеггольма на шеллинговских лекциях стало важным событием в истории русской рецепции идей позднего Шеллинга, прежде всего потому, что степень его подготовленности к восприятию проблематики этих лекций была, несомненно, выше, чем у других слушателей из России: свободное владение немецким языком сочеталось у Зедеггольма с довольно широкой осведомленностью

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0250, реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012—2013 гг.

в немецкоязычной философско-теологической литературе и самостоятельным содержательно-философским интересом. Для сравнения напомним, например, высказывания А.И. Тургенева, открыто признававшего, что понимание лекций Шеллинга представляет для него значительные трудности (подробнее об этом см. [1. С. 183—184]).

Поскольку именно в период до и после поездки в Германию Зедеггольм активно общался с лицами, близкими к славянофильским кругам (прежде всего с М.П. Погодиным и И.В. Киреевским), то следует полагать, что именно информацию, зафиксированную в этой записи шеллинговских лекций, он устно передавал своим собеседникам. Таким образом, запись Зедеггольма позволяет с известной достоверностью судить о том, какие сведения о философских взглядах Шеллинга входили в состав складывавшегося в этот период устного предания, составившего основу рецепции шеллинговских идей славянофилами.

В личном фонде К.А. Зедеггольма, хранящемся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, данная запись вкупе с другими материалами числится под названием «Выписки философского характера», однако ряд особенностей рукописи указывает на то, что перед нами не извлечения Зедеггольма из тиражированного списка, сделанного с чужой записи, а его собственные заметки непосредственно во время лекций. Во-первых, в ней указаны точные даты отдельных лекций, что в тиражируемых записях встречается довольно редко. Во-вторых, лекция от 9 июля записана гораздо более кратко и тезисно, чем остальные. Скорее всего, это свидетельствует о трудностях восприятия речи лектора на слух, постепенно преодоленных по мере привыкания к диалектным особенностям шеллинговского произношения (из многочисленных биографических свидетельств мы знаем, что Шеллинг в течение всей жизни сохранял довольно сильный швабский акцент). В-третьих, ряд зачеркиваний и корректур в тексте явно указывают на характерные слуховые ошибки, возникшие и исправленные непосредственно в процессе письма. Наконец, тот факт, что указанные в рукописи даты лекций совпадают со временем пребывания Зедеггольма в Мюнхене, однозначно свидетельствует о присутствии пастора на лекциях.

Анализ содержательных особенностей публикуемого текста и его сравнение с другими сохранившимися записями того же лекционного курса (в частности, с конспектами Антона Эберца и анонимного греческого слушателя, опубликованными Клаусом Вивегом в [2]), позволяют сделать ряд любопытных наблюдений.

С одной стороны, несмотря на краткость записи Зедеггольма, в ней точно зафиксированы основные моменты шеллинговской аргументации, нет существенных искажений терминологии, а для фиксации отобраны только наиболее существенные элементы довольно сложной спекулятивной конструкции. Это свидетельствует не только о языковой, но и о философской компетентности пастора и позволяет говорить о нем как о посреднике, способном достаточно корректно передать своим русским собеседникам основное содержание услышанного.

С другой стороны, на основании ряда пометок Зедеггольма можно сделать вывод об отсутствии знакомства с важными контекстами шеллинговской философии.

фии мифологии. Так, знак вопроса после упоминания Гейне — имеется в виду теоретик мифологии Христиан Готлоб Гейне, чьи взгляды критикуются во многих шеллинговских курсах философии мифологии — свидетельствует о том, что ни имя этого ученого, ни содержание дискуссии вокруг развитой им теории мифа, которую критически переосмысливает Шеллинг, Зедергольму неизвестны. Поэтому историко-филологические аргументы Шеллинга остаются для него по большей части непонятными, а на первый план в восприятии им теории мифологии выступают религиозно-философские и богословские проблемы. Однако и в понимании основных принципов теории мифологического процесса Зедергольм также сталкивается с существенными трудностями. Об этом говорят и обозначенная тремя тире лакуна в записи, явно свидетельствующая о непонимании Зедергольмом всей проблематики теории потенциалов, и вопросительные знаки в скобках, помещенные им после ключевых формулировок Шеллинга об «истинном единстве» (*wahre Einheit*) как результате «завершения» (*Vollendung*) мифологического процесса. Затруднения Зедергольма объясняются прежде всего тем, что он присоединился к слушателям в середине курса и не был знаком с содержанием предстоящих лекций: подобно А.И. Тургеневу, также прослушавшему лишь несколько лекций заключительной части курса философии откровения (см. об этом [1. С. 183]), он воспринимает религиозно-антропологические, теологические и историософские идеи Шеллинга в отрыве от базовых онтологических концепций, которыми она обосновывается. Этот своеобразный перенос акцентов вполне соответствует и собственным, преимущественно теологическим интересам самого Зедергольма.

Поскольку именно такое восприятие позднего Шеллинга очень характерно для российской рецепции его идей в 1820—1830-е гг., т.е. до публикации берлинских лекций 1841/42 гг. в записи Г.Э. Паулюса [3], то есть основания полагать, что посредничество Зедергольма сыграло в формировании такого образа шеллинговской философии существенную роль.

ЧЕТЫРЕ ЛЕКЦИИ Ф.В.Й. ШЕЛЛИНГА ПО ФИЛОСОФИИ МИФОЛОГИИ В ЗАПИСИ К.А. ЗЕДЕРГОЛЬМА

Текст публикуется по рукописи: НИОР РГБ; Ф. 107, оп. 1, картон 5, е.х. 9, лл. 1—7.

Подготовка немецкого текста к публикации осуществлена в соответствии с нормами, на которые ориентируется историко-критическое издание сочинений Ф.В.Й. Шеллинга, осуществляемое Баварской академией наук. Орфография оригинала полностью сохранена. Сокращения оставлены без расшифровки. Слова, подчеркнутые одной чертой, напечатаны разрядкой. Исправления и зачеркивания указаны в критическом аппарате.

Прилагаемый русский перевод выполнен по конституированному нами тексту без учета корректур и зачеркиваний, поскольку смысл этих исправлений уясняется только в контексте немецкого синтаксиса и безвозвратно теряется в переводе. В тексте русского перевода расшифровка сокращений дана в угловых скобках.

[Текст]

Aus Schellings Vorlesungen. München. 1837.

d. 9. Juli

Der unmittelbar seiende Gott, Elohim, ist nicht der erscheinende Jehova. J = Werdender.

Zu J. wird nur gerufen, zu E., dem allgemeinen Gott, gebetet. So z.B. Abimelech.

Nur E. erscheint im Traum, nie aber J., der wahre Gott.

Der wahre Gott erscheint unter mythologischer Form z.B.¹ in der Opferung Isaaks.

Die Offenbarung ist² ein Durchbrechen durch das verdunkelnde mythologische Princip.

Der wahre Gott kann sich von dem allgemeinen nicht trennen, daher, der Plural im Namen Gottes.

Die Juden haben Gott als einen Künftigen.

Im N.T. ward der werdende Gott des A.T. zum seienden.

Es ist ein Unterschied zwischen der Religion Abraham und der des Moses. Jene setzt den wahren Gott nur als einen erscheinenden.

Das Prophetenthum ist dem Judenthum eigenthümlich, es ist die Religion der Zukunft.

Die Offenbarung ist keine Voraussetzung der Mythologie. |

d.15.

Der relative Gott ist nicht der wahre Gott. Der relative Monotheismus ist nicht der ursprüngliche. Ihm konnte kein Atheismus vorgehen, sondern der absolute Monotheismus, und dieser ist in der Vorgeschichte der Menschheit zu suchen. Hier ist aber nur der ursprüngliche Mensch anzutreffen. Wie kommt aber das Bewusstsein dazu den relativ Einen Gott³ oder überhaupt einen zu setzen? Vor dem wirklichen Bewusstsein⁴ existirt nur das Bewusstsein in seiner eigenen Substanz. Zu jenem ist ein Actus erforderlich, bis dahin ist sie nur Potenz. Das Bewusstsein⁵, der Substanz nach ist das Gegentheil von dem Bewusstsein als Actus. Als jenes ist es Urbewusstsein. Das Urbewusstsein ist das Gott Setzende, und zwar den wahren. Dieses Setzen ist monotheistisch, nicht Theismus überhaupt. Dies kann auch so erklärt werden: Der Polytheismus ist nicht das Ursprüngliche, eben so wenig ist es der blosse Theismus, der einen Gott überhaupt setzt. Dieser ist als Abstraktion nicht⁶ das Produkt des natürlichen Bewusstseins sondern eines künstlichen. | Also sind wir genöthigt den relativen Monotheismus vor allem Bewusstsein als das Bewusstsein des wahren Gottes zu set-

¹ Z.B.] folgt gestr. d

² ist folgt gestr. d

³ Gott folgt gestr. üb

⁴ Bewusstsein] folgt gestr. ist

⁵ Bewusstsein,] folgt gestr. dem

⁶ Abstraktion nicht] unter der Zeile mit Einfügungszeichen

zen. Die Mythologie hat einen ursprünglich religiösen Grund. Man fragte einst (und auch ich tat es) wie erkennst du¹ Gott, durch die Wissenschaft, oder durch die Offenbarung? Die erste Bewegung des Bewusstseins ist aber von Gott ab. Also hat das Bewusstsein Gott an sich, so wie man sagt er hat diese Tugend oder Untugend an sich. Also ist Gott hier nicht etwas Gegenständliches, denn davon weiss das Bewusstsein hier nichts, sondern es ist ein substantielles, nicht aktuelles Wissen Gottes. Der Mensch ist in seinem Wesen und Ursein allerdings Bewusstsein, nur nicht eben von sich, dieses wäre nur durch ein Bewusstwerden = Actus möglich, sondern eines Andern, d.h. Gottes. Also in der Nichtbewegung (des Bewusstseins?) ist der Mensch das Gott Setzende. Davon kann er aber keinen Übergang zum Actus machen ohne — — —. Er wird nun Gottes überhaupt bewusst, ohne ihn aber als den wahren zu setzen. | Hierin kann aber der Mensch nicht verharren. Er muss aus diesem substantiellen Verhältnis herausgehen und es in ein actuelles verwandeln. Dies ist aber unmöglich ohne sich ausser der wahren Einheit zu setzen. Damit ist aber auch der Grund zum Polytheismus gegeben. Bis jetzt haben wir gezeigt der Theismus könne Monotheismus und Polytheismus sein. Er ist aber keins von beiden. Die wahre Religion will den² Polytheismus erklären, nicht beklagen. Der Monotheismus ist das Bewusstsein des wahren Gottes. Als Ausgangspunkt muss er aber negativ sein. Der wahre Monotheismus hat als sich bewusster und bewährter den relativen Monotheismus und den³ Polytheismus unter sich.

Den 16.

Welches ist nun der frühere, der Polytheismus oder Monotheismus? Dies wollen wir untersuchen. Heyne (?) entschied sich für erstern. Polyth. ist aber Theismus, also etwas⁴ Abstraktes. Ein⁵ Monotheismus wieder, der den Polyth. ausschliesst, erklärt nichts. Andere entscheiden sich für die Priorität des Monotheismus⁶. Unsre Antwort ist: keiner von beiden hat diese Priorität. Nicht der abstrakte Monotheismus, sondern einer der da Monotheismus ist und auch nicht ist, der sich noch nicht als Monotheismus weiss, und daher den Polytheismus nicht ausschliesst. Eben so wenig setzt er den Pol. als schon überwunden. Jemand könnte sagen⁷, der Monotheismus der sich noch nicht seiner bewusst ist⁸, verhalte sich⁹ nicht wie Theismus, oder wie die Gleichmöglichkeit von Monoth. und. Polyth. Wir antworten darauf: dies geben wir zu und dieses lässt sich von jedem Begriff sagen, der den Irrthum noch nicht ausgeschlossen oder überwunden. Die Mythologie bedarf eines positiven Anfangs, d.h. das Bewusstsein eines wahren

¹ du] folgt gestr. den wahren

² den] folgt gestr. M

³ den] über der Zeile mit Einfügungzeichen

⁴ etwas] über der Zeile mit Einfügungzeichen

⁵ Ein] über der Zeile mit Einfügungzeichen

⁶ Hs Monothe | Theismus. Eine Seite ausgeschnitten.

⁷ sagen,] folgt gestr. das Erste sei

⁸ ist,] folgt gestr. sei

⁹ verhalte sich] unter der Zeile mit Einfügungzeichen

Gottes. Der Monotheismus ist die letzte Voraussetzung und zwar ein Mon. des menschlichen Wesens, wo der Mensch das Gott setzende Wesen ist, die nicht für sich sondern in Gott seiende Natur. Man könnte einwenden, dies sei eine schwärmerische Lehre. Zugegeben, wenn man diese zur Regel des gegenwärtigen Lebens machen will, wie es die Gymnosophisten und Mystiker machten, die des Widerspruchs müde sich ins Centrum alles Seins hineinfluchten. Ihr Fehler ist dass sie nur den Weg rückwärts finden, nicht vorwärts. Jener ist unmöglich, weil da kein Unterschied, keine Freiheit. | Dieser Monotheismus ist keine Lehre, nicht einmal erkannter M. Darum bleibt er im Grunde, im Hintergrund des Bewusstseins zurück, auch wenn der Polytheismus hervortritt. Wir sind nun frei von allen Voraussetzungen geschichtlicher Art, ausser 1.¹ dem Bewusstsein in seiner Substanz, und 2. der ersten Bewegung aus der Substantialität heraus. Dadurch entsteht die mythologische Succession. Beide Voraussetzungen sind aber nicht geschichtlicher Natur. Das Urbewusstsein ist mit dem Wesen des Menschen gegeben also übergeschichtlich, und jene Bewegung ist ein übergeschichtliches Ereignis. Der letzte Anfang der Mythologie ist ein übergeschichtlicher. Welche Erklärungsweise der Mythologie gibt es denn? Bis jetzt bedingten die Voraussetzungen die Möglichkeit der Mythologie. Der Grund der Mythologie liegt in dem ersten wirklichen Bewusstsein des Menschen und mit dem Grund ist die Sache auch da. Der Polytheismus ist also im Grunde schon da. Der Akt wodurch der Grund des Polytheismus gelegt wird ist nicht im Urbewusstsein. Das Bewusstsein kann nicht über sich selbst hinaus. Diese Bestimmung ist eine Bewegung die das Bewusstsein nicht zurücknehmen kann. Diese Affektion oder Alteration des | Bewusstseins² besteht darin 1.³ dass im Bewusstsein nicht der absolute sondern relative Gott ist. 2. dass es der Aufeinanderfolge der Vorstellungen (des Polytheismus) unterworfen ist. Das Bewusstsein ist auf unbegreifliche Weise in diese Bewegung verwickelt; eine fremde Gewalt hat sich desselben bemächtigt. Vor allem Denken ist es von einem Princip eingenommen, dessen nothwendige Folge die Vielgötterei ist. Hier ist auf natürlichem Wege nur der Polytheismus möglich und der Monotheismus nur auf übernatürlichem. Der Mensch fängt nicht als ein Thier an. Der Urmensch ist mit dem Bewusstsein eines Gottes behaftet. Dies ist Unfreiheit, die sich keinen Begriff machen, stape facta, ausser sich ist. Hier ist das wahre Wort: diese mythologischen Vorstellungen entstehen dem Bewusstsein durch einen unwillkürlichen Process. Die Mythologie ist also Process. Hierin liegen viele Möglichkeiten. Wir scheiden die unwahren aus und werden auf diese Weise zu der nothwendigen gelangen. Hier ist folgendes zu erwähnen. Man suchte die Ursache der falschen Religion in dem Sündenfall. Dies ist lobenswerth. Die Mythologie ist nicht der ursprüngliche Standpunkt. Die Mythologie ist unmöglich ohne | dass dem Menschen sein ursprüngliches Centrum verrückt wird. Nach dieser Erklärung sinkt der Mensch immer mehr in die Natur herab und sucht Gott in der Natur. Hier ist eine⁴ Steigerung der Ansicht möglich, eine mystische, während jene nur eine pietistische ist. Allerdings ist der Mensch in Gott, und hier sieht er die Dinge in Gott.

¹ 1.]über der Zeile eingefügt

² des] davor gestr. be

³ 1.]über der Zeile eingefügt

⁴ eine] folgt gestr. höhere

Den 18.

Die mystische Erklärung der Mythologie könnte¹ vom Sein des Menschen in Gott ausgehen. Hier wäre dann auch ein wesentliches Verhältnis zwischen beiden. Hier betrachtet der Mensch die Dinge so wie Gott sie betrachtet. Wird er² aber aus diesem Centrum gerückt so ändert sich auch sein Verhältniss zur Peripherie, und er kommt auf gleicher Stufe mit den Dingen zu stehen. Er sucht aber seinen centralen Gesichtspunkt zu behaupten, und so entsteht ein Widerspruch³ in ihm. Die Götterwelt ist im⁴ Traum aus diesem Widerspruch erzeugt, indem er vergeblich ringt die göttliche Welt festzuhalten. Dies ist ein unvermeidliches Schicksal. Das Ende davon ist dass der Mensch erwacht und froh ist aus⁵ diesem unmittelbaren Verhältnis loszukommen. Diese mystische Vor|stellung ist möglich. Unsre Ansicht unterscheidet sich aber davon darin, dass nichts ausserhalb des Bewusstseins hinzukommt. Der Sündenfall dagegen lässt den Menschen in die Natur gerathen, so auch die mystische Ansicht. Wir behaupten aber: es bedarf nichts ausserhalb des Princip⁶ des Bewusstseins, als eines Processes, das aber nicht ausserhalb des Bewusstseins ist. Hiemit ist das mythologische Princip gegeben. Das Bewusstsein ist aber der Mittelpunkt der Schöpfung. Die kosmogenetischen Potenzen der Schöpfung sind auch die des Bewusstseins und finden hier ihren Mittelpunkt. Jener Process ist daher eben so gut objektiv als subjektiv. Auf diese Weise ist auch in der Mythologie eine Wahrheit möglich. Dieser Process ist von der objektiven Seite der Monotheismus. Von ihm sagten wir früher, er sei in Polytheismus auseinandergegangen. Wenn es so ist, so wäre der Polytheismus nur entstellte Wahrheit. Auseinandergehen ist aber Zerstörung, dieser Process ist aber keine. Der mythologische Process ist⁷ successive Konstruktion der Wahrheit dass früher nur wesentliche Monotheismus nun ein wirklicher werde. Dagegen könnte | man einwenden dass⁸ in der Mythologie ergänze sich das successiv Polytheistische successiv in die wahre Einheit (?) und trete daher successiv hervor. Dies würde aber ein Auseinandergegangensein der Potenzen setzen. Dies geschieht aber nicht in der Mythologie selbst. Der mythologische Process besteht nur in Wiedervereinigung nicht in Trennung. Der Anlass derselben ist etwas, das sich des Bewusstseins ausschliesslich bemächtigt hat. Der potentielle Process verwandelt sich in einen conflictu et actu wirklichen. Das falsche am Process liegt vor ihm und besteht⁹ in¹⁰ der Aufhebung des Processes. Nicht im einzelnen Moment¹¹ ist Wahrheit, sondern in dem ganzen

¹ könnte | *folgt gestr.* sich also aussprechen

² er | *über der Zeile mit Einfügungszeichen*

³ Widerspruch | *folgt gestr.* mit

⁴ im | *folgt gestr.* Wider

⁵ aus | *folgt gestr.* dem

⁶ Princip⁶ des | *unter der Zeile mit Einfügungszeichen*

⁷ ist | *folgt gestr.* nur

⁸ dass | *folgt gestr.* das

⁹ besteht | *folgt gestr.* an

¹⁰ in | *über gestr.* an

¹¹ Moment | *unter der Zeile mit Einfügungszeichen für gestr. Process*

Process und dessen Fortgange. Der vollendete Process enthält die Wahrheit. Aus dieser Ansicht des Processes folgt dass die Mythologie keine Entstellung der ursprünglichen Wahrheit ist. Man nahm aber nur das Einzelne, allein alle Einzelheiten könnten falsch sein, nicht die ganze¹ Mythologie. Die Vielgötterei ist nur das Accidentelle, sie ist nur das Mittel des Processes. Das falsche ist nur vorhanden durch das Missverständniss des Processes als solches. Der Fehler ist also | nur des Betrachters, der die Momente einzeln betrachtet. Die Mythologie ist durch einen Process möglich, der durch seine Vollendung (?) Wahrheit enthalten muss. So ist², wenn man die einzelnen Sätze der Philosophie vergleicht, alles nur an seiner Stelle und in seinem Fortschritt betrachtet, wahr. So ist eine Stelle wo gesagt werden muss, Gott sei das Princip der Natur, aber auch eine, wo das Gegentheil gesagt werden muss. Das Ausschliessliche ist falsch, z.B. wenn man sagen wollte: Gott ist nur das Princip der Natur. Daraus folgt aber nicht, dass Gott nicht das unmittelbare Princip der Natur ist. Er ist es nicht um es zu sein, sondern um sich zu negiren und als Geist zu setzen. Sonst fällt man dem Pantheismus anheim. Hier ist das Missverständniss leicht, wenn man die Sache nicht in ihrer Succession nimmt. — Hier wäre folgende Einwendung zu machen, der Polytheismus sei keine falsche Religion, ja es gebe überhaupt keine falschen. So ist die Natur nur unter einer Voraussetzung wahr und sie ist die vermittelte Aufhebung des Falschen. Hierauf antworten wir: | 1. Jedes Moment der Mythologie ist in seiner Isolirung falsch. Die verschiedenen Mythologien der Völker machen Ein Ganzes aus. Jedes besondere Moment bei irgend einem Volke ist unwahr. Wir aber betrachten sie im Ganzen. So weit die Menschheit³ in die mythologische Bewegung eingetreten ist, ist es auf dem Weg der Wahrheit, indem⁴ sie aber still steht und aus der Bewegung heraustritt ist sie im Irrthum, und ihre Vorstellung falsch wie jedes Naturding ohne Leben. So ist philosophische Wahrheit nur im Fortschritt des Processes. Nicht nur die heidnischen⁵ Völker wie die Hindu's sind im stupiden Irrthum, sondern auch die alten Griechen und Römer waren es ebenfalls. Die falsche Religion war immer *superstis*, und die Superstition ist, schon dem Wortbegriffe nach, was übrig zurückgeblieben ist, ein Irrthum der die Wahrheit überlebt hat, das todte Überbleibsel eines nicht verstandenen Processes. So sind die s.g. sympathetischen Kuren gleichsam ein sinnlos gewordenes System. Dies ist aber nicht, wie Creuzer will, die Mythologie selbst.

[Перевод]

Из лекций Шеллинга. Мюнхен. 1837.

9 июля.

Непосредственно сущий Бог, Элохим, не есть являющийся Иегова. И<его-ва> = Становящийся.

¹ ganze | folgt gestr. Process

² ist | folgt gestr. vergleichungsweise gesagt,

³ Menschheit | korr. aus. Menschen

⁴ indem | folgt gestr. sh

⁵ heidnischen | folgt gestr. P

Из лекций Шеллинга. Мюнхен. 1837.

9 июля.

Непосредственно сущий Бог, Элохим, не есть являющийся Иегова. И<егова> = Становящийся.

К И<егове> только взывают, Э<лохиму>, всеобщему Богу, молятся. Так, напр. <имер>, Авимелех.

Во сне является только Э<лохим> и никогда И<егова>, истинный Бог.

Истинный Бог является в мифологической форме, напр., в принесении в жертву Исаака.

Откровение — прорыв через затемняющий мифологический принцип.

Истинный Бог не может отделиться от всеобщего, отсюда множественное число в имени Божиим.

Иудеи имеют Бога только как грядущего.

В Н.<овом>З.<авете> становящийся Бог В.<етхого>З.<авета> стал сущим.

В этом различие между религиями Авраама и Моисея. Первая полагает истинного Бога только как являющегося.

Пророчествование свойственно иудаизму, оно — религия будущего.

Откровение не есть предпосылка мифологии.

15 <июля>

Относительный Бог не есть истинный Бог. Относительный монотеизм не есть изначальный. Ему мог предшествовать не атеизм, а абсолютный монотеизм, и именно его следует искать в предыстории человечества. Однако здесь можно найти только первоначального человека. Но как сознание приходит к тому, чтобы полагать относительно Единого Бога или вообще полагать какого-либо единого Бога? До действительного сознания существует только сознание в своей собственной субстанции. Для действительного сознания требуется акт, до него субстанция сознания — только потенция. Сознание по своей субстанции есть противоположность сознания как акта. Сознание по своей субстанции есть прасознание. Прасознание — полагающее Бога, и притом истинного. Это полагание монотеистично, а не есть теизм вообще. Это можно объяснить и так: Политеизм не изначален, но точно так же не изначален и голый теизм, полагающий единого Бога вообще. Последний, как абстракция — продукт не естественного, а искусственного сознания. Итак, мы принуждены полагать относительный монотеизм до всякого сознания как сознание истинного Бога. Мифология имеет изначальное религиозное основание. Когда-то спрашивали (и я тоже так делал), как ты познаешь Бога, посредством науки или посредством откровения? Однако первое движение сознания — прочь от Бога. Стало быть, сознание имеет Бога в себе, точно так же как говорят, что некто имеет в себе такую-то добродетель или порок. Итак, Бог здесь не есть нечто предметное, ибо об этом сознание здесь ничего не знает, но он — субстанциальное, а не актуальное знание Бога. Человек в своей сущности и первобытии, конечно, есть сознание, но не сознание о самом себе, что было бы возможно только через становление сознающим = акт, но сознание Другого, т.е. Бога.

истинного единства. Однако тем самым дано основание политеизма. Ранее мы показали, что теизм может быть монотеизмом и политеизмом. Но он — ни то, ни другое. Истинная религия хочет объяснить политеизм, а не осудить его. Монотеизм есть сознание истинного Бога. Но в качестве исходной точки он должен быть негативным. Истинный монотеизм, как сознательный и утвердившийся, имеет под собою относительный монотеизм и политеизм.

16 <июля>

Что же раньше, политеизм или монотеизм? Это мы и хотим исследовать. Гейне (?) предпочел первый. Но политеизм — это теизм, то есть нечто абстрактное. Монотеизм же, который исключал бы политеизм, тоже ничего не объясняет. Другие предпочли приоритет монотеизма. Наш ответ: ни один из двух не имеет приоритета. Не абстрактный монотеизм, но такой, который одновременно и есть, и не есть монотеизм, который еще не знает себя как монотеизм, а потому не исключает политеизма. Точно так же он не полагает пол<итеизм> уже преодоленным. Могли бы сказать, что монотеизм, не сознающий себя, выступает не как теизм, или как равновозможность монот<еизма> и полит<еизма>. Мы ответим на это: мы признаем это, и то же самое можно сказать о любом понятии, которое еще не исключило или не преодолело заблуждения. Мифология нуждается в позитивном начале, т.е. в сознании истинного Бога. Последняя предпосылка есть монотеизм, а именно мон <отеизм> человеческого существа, где человек есть полагаящее Бога существо, природа, суцая не для себя, но в Боге. Можно было бы возразить, что это сектантское учение. Верно, если желать сделать его правилом нынешней жизни, как это делали гимнософисты и мистики, которые, устав от противоречия, спасались бегством в центр всего бытия. Их ошибка в том, что они находят путь только назад, но не вперед. Путь назад невозможен, потому что там нет различия, нет свободы. Этот монотеизм — не учение, и даже не познанный м<онотеизм>, поэтому он остается в основе, на задворках сознания, даже тогда, когда выступает политеизм. Теперь мы свободны от всех предпосылок исторического свойства, кроме сознания в его субстанции и 2. первого движения из субстанциальности. Благодаря этому движению возникает мифологическая последовательность. Однако обе предпосылки не исторического характера. Прасознание дано вместе с сущностью человека, стало быть, оно сверхисторично, а то движение есть сверхисторическое событие. Последнее начало мифологии есть сверхисторическое событие. Какое же имеется объяснение для мифологии? До сих пор возможность мифологии обуславливалась предпосылками. Основание мифологии лежит в первом действительном сознании человека, а вместе с основанием наличен и сам предмет. Таким образом, в основании и политеизм уже наличен. Акт, которым полагается основание политеизму, не содержится в прасознании. Сознание не может выйти за свои пределы. Это определение есть движение, которое сознание не может отозвать назад. Эта аффекция или альтерация сознания состоит в том, 1. что в сознании имеется не абсолютный, а относительный Бог, 2. что оно подчинено последовательности представление (политеизм). Сознание непостижимым образом вовлечено в это движение; чуждая сила овладела им. Прежде

всякого мышления оно уже взято в свою власть принципом, необходимым следствием которого является многобожие. Здесь естественным образом возможен только политеизм, монотеизм же возможен только сверхъестественным образом. Человек не начинается как животное. Первочеловек пленен сознанием некоего Бога. Это несвобода, неспособная к понятиям, *stare facta*, вне себя. Здесь правильное выражение: эти мифологические представления возникают для сознания посредством произвольного процесса. Итак, мифология — это процесс. Тут заключено много возможностей. Мы исключим неистинные и придем таким образом к необходимой. Здесь следует упомянуть следующее. Причину ложной религии искали в грехопадении. Это похвально. Мифология не есть изначальная точка зрения. Мифология невозможна без того, чтобы в человеке не сместился его изначальный центр. Согласно этому объяснению, человек все более погружается в природу и ищет бога в природе. Тут возможно и возведение этого воззрения в более высокую, мистическую степень, тогда как упомянутое выше воззрение есть только пиетистское. Конечно, человек пребывает в Боге, и здесь он видит вещи в Боге.

18 <июля>

Мистическое объяснение мифологии могло бы исходить из бытия человека в Боге. Тогда отношение между ними было бы здесь сущностным отношением. Здесь человек рассматривает вещи так, как их рассматривает Бог. Если же он выходит из этого центра, то и его отношение изменяется на периферийное, и он становится на одну ступень с вещами. Однако он пытается утвердить свою центральную точку зрения, и так в нем возникает противоречие. Мир богов порождается в сновидении из этого противоречия, когда человек тщетно усиливается удержать божественный мир. Это неизбежная судьба. Завершение этой борьбы в том, что человек пробуждается и радуется, что вышел из этого непосредственного отношения. Такое мистическое представление возможно. Наше воззрение отличается от него, однако тем, что не привходит ничего вне сознания. Грехопадение же, напротив, предполагает, что человек погружается в природу, так же и мистическое воззрение. Мы же утверждаем: кроме принципа сознания, не нужно ничего кроме процесса, который, однако, не находится вне сознания. Тем самым дан мифологический принцип. Сознание, однако, есть средоточие творения. Космогенетические потенции творения суть также и потенции сознания и обретают в нем свое средоточие. Поэтому вышеназванный процесс в равной мере объективен и субъективен. Таким образом, и в мифологии возможна некая истина. Этот процесс, взятый с объективной стороны, есть монотеизм. О нем мы ранее сказали, что он разошелся в политеизм. Если это так, то политеизм — это только искаженная истина. Но расхождение — это разрушение, а наш процесс не есть разрушение. Мифологический процесс есть сукцессивная конструкция истины, состоящая в том, чтобы монотеизм, который ранее был лишь сущностным, стал действительным. Против этого можно было бы возразить, что в мифологии сукцессивно политеистическое восполняется до истинного единства (?) и потому выступает сукцессивно. Это, однако, полагало бы расторгнутость потенций.

Но в самой мифологии этого не происходит. Мифологический процесс состоит только в воссоединении, не в разделении. Поводом к последнему является нечто, исключительно овладевшее сознанием. Потенциальный процесс преобразуется в *conflictus et actu* действительный. Ложное в этом процессе находится прежде него и состоит в снятии процесса. Истина не в отдельном моменте, но во всем процессе и его прохождении. Завершенный процесс содержит истину. Из этого воззрения следует, что мифология не есть искажение изначальной истины. Брали только частности, но ведь все частности могут быть ложными, а вся мифология в целом не может. Многобожие — только акцидентальное, оно — только средство процесса. Ложное налично лишь вследствие неверного понимания процесса как такового. Ошибка заключена, стало быть, в наблюдателе, который рассматривает моменты отдельно. Мифология возможна благодаря процессу, который благодаря своему завершению (?) должен содержать истину. Так, если сравнивают отдельные положения философии, то каждое из них истинно только на своем месте и рассмотренное в своем движении вперед. Так, есть в философии место, где надо сказать, что Бог есть принцип природы, но есть и другое, где надо сказать противоположное. Исключительное ложно, например, если бы захотели сказать: Бог есть только принцип природы. Отсюда, однако, не следует, что Бог не есть непосредственный принцип природы. Он есть этот принцип не для того, чтобы им быть, а для того, чтобы отрицать себя и полагать себя как дух. Иначе впадают в пантеизм. Здесь легко произойти недоразумению, если предмет не рассматривается в его последовательности. — Здесь следовало бы возразить: политеизм не есть ложная религия, ложных религий вообще нет. Так природа истина лишь при известной предпосылке, и она есть опосредованное снятие ложного. На это мы отвечаем: 1. Всякий момент мифологии в своей изоляции ложен. Различные мифологии народов образуют целое. Каждый особенный момент у какого-либо народа ложен. Мы же рассматриваем ее в целом. Насколько человечество вступило в мифологическое движение, оно на пути истины, если же оно останавливается и выходит из этого движения, оно пребывает в заблуждении и его представление так же ложно, как и всякая вещь природы, лишенная жизни. Так и философская истина заключена только в поступательном движении процесса. Не только языческие народы вроде индусов пребывают в тупом заблуждении, в нем пребывали также греки и римляне. Ложная религия всегда была *superstis*, и суперстия уже по своему буквальному значению есть то, что осталось, заблуждение, пережившее истину, мертвый остаток непонятой системы. Так, например, так называемая симпатическая терапия есть как бы ставшая бессмысленной система. Однако это — не сама мифология, как того хочет Крейцер.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Резвых П.В. Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 141—186.
- [2] Schelling F.W.J. Philosophie der Mythologie in drei Vorlesungsnachschriften 1837/1842. Hg v. Klaus Vieweg. München: Fink, 1996.
- [3] Schelling F.W.J. Philosophie der Offenbarung 1841/42. Hg. u. eingel. v. Manfred Frank. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1993.

REFERENCE

- [1] Rezvyh P.V. Shelling v dialoge s rossijskimi intellektualami // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2008. № 91. S. 141—186.
- [2] Schelling F.W.J. *Philosophie der Mythologie in drei Vorlesungsnachschriften 1837/1842*. Hg v. Klaus Vieweg. München: Fink, 1996.
- [3] Schelling F.W.J. *Philosophie der Offenbarung 1841/42*. Hg. u. eingel. v. Manfred Frank. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993.

A PROTESTANT PASTOR FROM MOSCOW HEARS F.W.J SCHELLINGS LECTURES

P.V. Rezvykh

Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI)
National research university — Higher school of economics
Petrovka, 12, Moscow, Russia, 107031

The article presents a critical edition and an interpretation of the transcript of F.W.J. Schellings lectures on philosophy of mythology of 1837 by the Protestant pastor from Moscow K.A. Sederholm.

Key words: Philosophy of mythology, F.V.Y. Shelling, Moscow Schellingism, idealism, theology, theory of myth.